Чернушенко В.

11.11.03
(Март)

Ну вот и ректора Петербургской консерватории В. Чернушенко сняли. И хотя на его место назначили порядочного человека и специалиста высокого ранга, можно с большой долей уверенности определить, когда и его заменят (результаты президентских выборов покажут...).

Художественного руководителя Большого театра снимали просто: Владимир Васильев прочитал в газете распоряжение министра культуры.

Главного балетмейстера Мариинского театра О. Виноградова снимали ещё проще: посадили в камеру предварительного заключения на трое суток, после чего он сам уехал в длительную загранкомандировку.

Художественного руководителя Петербургской академии балета имени Вагановой И. Бельского сжили в мир иной. А ведь Академия была на подъёме, выпускники показывали не только великолепную технику — они были ориентированы на духовные темы, завещанные миру балетом XIX — начала XX веков; просматривались надежды на возрождение духовных традиций Русского балета... Ан нет, сегодня следы И. Бельского растаяли.

Директором Мариинского балета стал Вазиев, художественным руководителем Академии — Асылмуратов. Ходили слухи, что ректором Консерватории станет Хурдаймурдаев...

Сегодня речь о Консерватории, о её бывшем ректоре В. Чернушенко и о перспективах развития серьёзных музыкальных жанров.

Я не знаю подлинной ситуации в финансовой деятельности Консерватории, но ни одна высшая школа не выжила бы в 90-е годы, не сохранила бы свои кадры и творческий потенциал, если бы ждала милости, то бишь государственного финансирования (вспомним митинги профессуры), если бы не проявила инициативу по привлечению финансов. Консерватория — не исключение. Но я доподлинно знаю, что это ошибка государства, выполнившего руками министра заказ по освобождению кресла ректора вуза с высокой международной репутацией. Исследуйте тенденции — и вы поймете последствия отставки.

Духовное изгнали из Русского балета. Не сегодня. Надежды на возвращение "белого балета" уже нет — в руководстве Мариинского театра не с кем говорить о продолжении традиций М.Петицы, Л. Иванова. Следовательно, и в Москве, и в России эта традиция уже не восстановима. Вот такая "ампутация" духовного будет осуществлена и в музыке. И она уже началась, но сдерживающим фактором был дирижер В.Чернушенко. И даже не как администратор, а как ориентир для молодых, как глубокий художник на государственном посту.

Слово "глубокий" интерпретируется по-разному. В моем понимании "глубокий художник" — тот, в ком присутствует и осознается иерархия душевного и духовного. "Вначале душевное, потом духовное" — эти слова апостола Павла для молодого дарования есть программа вызревания гения, ведь все молодые дарования душевные, эмоционально сильные, обаятельные, им сопутствует успех в начинании, но очень немногие продолжают свой внутренний рост, взращивают храм своей души, святилище души, вмещающей мир, а не

только профессию. Музыка, музыкальное мышление — это проводник в святая святых человека, о существовании которого он подчас и не подозревает, даже одаренный. Разумеется, не всякая симфоническая музыка "возводит на небеса", но высший смысл музыки и некоторых видов изобразительного искусства и классического "белого" балета в том, чтобы приоткрыть человеку тот невидимый мир, прекрасный сам по себе и преобразующий человека, соприкасающегося с ним.

Это ставит перед художниками высшие задачи познания человека как Богочеловека. Именно в этом аспекте творчество и педагогика В. Чернушенко достойны уважения, а его личность — ограждения от всевозможных организаторов общественного мнения, а также критиков, исполняющих эти заказы... Я вспоминаю дирижерский инструментарий Евгения Мравинского, и не могу вспомнить: у него не было никаких мануальных приспособлений, он был очень скуп на жест, его было интереснее смотреть на репетициях, но и там он был очень сдержан. Весь его жест был на кончике дирижерской палочки, которая иногда замирала, а оркестр сам продолжал играть. У Мравинского был очень выразительный взгляд — не мимика, а сосредоточенный или недоуменный взгляд, и артист оркестра понимал обращенный к нему этот "жест". Мравинский управлял оркестром, следил за точностью выполне-

ния "плана" композитора, следил за точностью исполнения написанного, а сам ничего не выражал (выражал — оркестр), ничего не переживал (переживал — слушатель, делал выводы, додумывал, обобщал).

Понимал его и хор (вспомним Девятую симфонию Бетховена!). Попробовал бы хор его не понять, хотя в оркестре были "непонятливые" — писали, ходили в обком. При всей зашоренности чиновничьего мира там были люди, осведомленные в культуре. Непонятливые ушли, а Мравинский остался в Филармонии, в истории культуры Ленинграда. Это был действительно гениальный дирижер. Мравинский оставлял слушателя один на один с Бетховеном или Чайковским — композитор творил в душе слушателя иные миры, развертывал события видимого и невидимого мира.

А что видит и слышит сегодня по-

ЗАЧИСТКА РУССКОГО ИСКУССТВА

сетитель зала Филармонии? Видит обаятельного дирижера Темирканова, его красивые жесты, мимику, переполненную эмоциями душу — дирижер помогает артисту и слушателю понять и пережить эмоции, выраженные оркестром. Может это и есть мануальная техника дирижера?

Не менее выразителен и дирижер В. Гергиев, правда в несколько ином плане: его обуревают сильные демонические страсти, в этих состояниях он превосходный артист.

В концертно-симфонической жизни Петербурга уже сложилась традиция, согласно которой дирижер проецирует на себя содержание симфонического произведения, активно переживает его, выражает его в мимике и жестах. Считается, что это помогает артистам и слушателям постигать содержание симфонии. Так ли это? Хорошо это или плохо? Мне скажут: каждое время имеет своих гениев. С этим можно согласиться — при условии, если данное "Время" продолжает исследовать и воплощать новые грани духовного мира человека, этого "неисследимого" (Достоевский), неисчерпаемого источника.

Мравинский — высшее достижение музыкального искусства. Искусства не советского, не "своего времени", а Искусства как средства познания человека и мироздания.

Сегодня между Бетховеном и слушателем стоит человек. Каким бы широким и богатым ни был его ду-

ховный мир, какими бы выразительными ни были его жесты и мимика, — он "заспляет" собой Бетховена. Симфоническая драматургия не "просачивается" внутрь, не творит внутри человека "касание иных миров". Перед зрителем — слушателем стоит реальный человек, стоит здесь на земле, этот "сюжет" удерживает ваше внимание — ведь дирижер своими эмоциональными жестами и мимикой выражает драматургию чувств играемого сочинения, этими душевными движениями ограничивает диалог композитора и слушателя.

А где же подлинно духовное?... "Вначале душевное, потом ... мануальное".

Подлинные духовные ориентации были только у дирижера В. Чернушенко. Конечно, сегодня многие дирижеры берут в свой репертуар духовные песнопения, фрагменты Церковных песнопений, но это дань моде, а не внутренний позыв (просмотрите их годовой репертуар, посещаемость их концертов, их влияние на духовную жизнь города и страны)... Это не укор — дирижеры вправе выбирать свой репертуар, но они никак не влияют на формирование молодых композиторов, дирижеров, исполнителей, слушателей. Они не чувствуют никакой ответственности перед потомками, перед своим искусством. Прожили под аплодисментами, в финансовом изобилии, ну и ладно...

Все симфонии Д. Шостаковича рождались под рукой Е. Мравинского. А какие новые симфонии, оперы, балеты родились под рукой нынешних дирижеров (не редакции ранее кем-то поставленных или сыгранных произведений, а именно новых, оригинальных)?.. Вспомним содержание Восьмой, Тринадцатой, Четырнадцатой симфоний Д.Шостаковича — Е. Мравинского, их духовный, социальный, нравственный смысл, и мы поймем простую истину — сегодняшней Петербург и страна живут своей жизнью, а дирижерская элита — своей.

Какой жизнью живет министр культуры?..

Сергей ДАВЫДОВ

Завтра. 2003. - март (11). - С.8